

Он наспех швырнул остатки снадобья Цуй Ванчао и, как ни в чём не бывало, уселся рядом с Фэн Цяньсюэ:

— Когда мы покинем гору Тешань? Что делать с этим Хои Яньюем? Перестань плакать, ладно? Неужели в твой мешочек цянькунь не поместится такой гигантский зверь? Я же не нарочно причинил тебе боль. Хотя этот Хои Яньюй, похоже, слишком велик, вряд ли залезет. В крайнем случае, когда твои руки заживут, я покорно дозволю тебе щипать меня сколько душе угодно.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— С чего бы мне тебя щипать?

Се Жэнь честно ответил:

— Да потому что ты постоянно меня щиплешь! Мне кажется, тебе весьма по душе забавляться подобным образом.

Лицо Фэн Цяньсюэ застыло.

Се Жэнь наклонил голову, разглядывая его, и сам хмыкнул:

— Неужто сменил гнев на милость?

Фэн Цяньсюэ поднялся:

— Хои Яньюй мирно жил себе в лесу Хошу и никому не причинял вреда. Лучше вернуть его на прежнее место.

Се Жэнь поплёлся за ним:

— Ладно, тебе решать.

Цуй Ванчао снова категорично отрезал:

— Клан Фэн точно купил Се Жэня с потрохами!

Иначе с чего бы тот так покорно слушался каждого его слова и выслуживался перед ним?

Цзинь Хун завязал последний узел на повязке:

— Идёмте. Нужно убраться отсюда как можно скорее.

Имея под рукой Хои Яньюя, более не приходилось прорубать дорогу кинжалом Чуньцзянь. Четверо юношей, действуя так же, как и по пути сюда, верхом на исполинском звере перелетели через лес Хошу. К подножию на границе леса они добрались уже глубокой ночью. Хои Яньюй, видать, после хорошей трёпки растерял весь свой спесивый нрав — он неспешно прошлёпал в глубь чащи, и его громадное туловище окончательно растворилось среди темно-красных огненных деревьев.

Хотя путешествие на гору Тешань выдалось невероятно опасным, оно принесло немало плодов. Цуй Ванчао, сознавая, что его попытка украсть клинок провалилась и он лишь послужил обузой для остальных, больше не заводил речей о Лю Цыцзуй. Он лишь вяло плёлся вслед за Цзинь Хуном, собираясь вернуться в Чуньтаньчэн.

Никто из четверых не горел желанием ночевать на голом краю леса, поэтому они провели в пути ещё одну ночь и разошлись лишь на рассвете.

Се Жэнь и Фэн Цяньсюэ нашли небольшую деревеньку, чтобы перевести дух. Женщина у въезда в селение, увидав двух юных заклинателей, пыльных с дороги, с большим радушием привела их к себе домой, принесла две бадьи с горячей водой для омовения и ушла хлопотать у печи.

Се Жэнь выскочил вслед за ней, чтобы дать пару напутствий и расплатиться нефритовыми монетами. Вернувшись в комнату, он увидел, что Фэн Цяньсюэ уже погрузился в деревянную бадью, оперев забинтованные руки о борта, чтобы на них не попала вода.

Тогда Се Жэнь произнёс:

— Ты пока посиди, отмокни, а я быстренько помоюсь и помогу тебе вымыть голову.

Фэн Цяньсюэ, откинувшись на край, наблюдал, как тот раздевается. Когда на Се Жэне остались лишь нижние штаны, тот вынужден был отступить на шаг и деликатно напомнить:

— Если ты продолжишь так пристально на меня глазеть, это будет не совсем прилично.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Смотреть, как ты рисуешь, нельзя, смотреть, как моешься, тоже нельзя. Отчего ты так легко смущаешься?

Семнадцать лет Се Жэнь прожил полнейшим бесстыдником, и его впервые в жизни уличили в «смущении». Ему стало не по себе, и он принялся объяснять:

— Я не разрешаю смотреть на свои рисунки только потому, что рисую паршиво.

— А смотреть, как снимаешь одежду, не разрешаешь оттого, что уродлив?

— Я не запрещал смотреть, как снимаю одежду! Я запрещал смотреть, как снимаю штаны.

— Хм, какая разница. Разве уродлив?

Уродливым он, конечно, не был, но давать разглядывать себя всё равно не собирался! Поэтому Се Жэнь схватил полотенце:

— Закроешь глаза или нет? Не закроешь — сам завяжу!

Фэн Цяньсюэ подался назад и слегка отвернул голову.

Мгновение спустя раздался плеск воды — Се Жэнь погрузился в бадью с головой, сладко выдохнул и упёрся подбородком в край. Глаза его ярко блестели, а на губах играла лукавая ухмылка.

Глядя на него, Фэн Цяньсюэ вспомнил письмо, которое недавно написал своему шисюну — тот и впрямь был весьма милым.

Однако в следующую секунду Се Жэнь щелчком пальцев отправил в него целую россыпь брызг.

— ...

И весьма несносным.

Се Жэнь окликнул его:

— Подсядь поближе, я вымою тебе волосы.

Фэн Цяньсюэ придвинулся ближе, сидя спиной к его бадье и слегка запрокинув голову. Се Жэню не часто приходилось делать подобное, но, к счастью, дело оказалось нехитрым. Он быстро вывел для себя правило: относиться к спутнику как к хрупкому стеклянному человечку — чем бережнее и осторожнее, тем лучше, и тогда всё пройдет гладко.

Спустя некоторое время Фэн Цяньсюэ спросил:

— О чём ты думаешь?

Се Жэнь подвязал его мокрые волосы:

— О тех трёх мечах.

Фэн Цяньсюэ повернулся:

— Хочешь их?

— А кто бы не хотел получить божественный меч Наньшань? Только вот расстаться со своим оружием я бы всё равно не смог, — ответил Се Жэнь. — Пусть мой меч и не древний артефакт, но ради него мой отец отдал фамильный шкаф из душистого сандала, чтобы нанять лучшего кузнеца. А матушка отдала весь свой свадебный гарнитур украшений с красными лотосами, чтобы переплавить его в Сердце меча. Тридцать дней уйму труда положили на его ковку! В тот день, когда меч был готов, в наш дом как раз пришёл учитель, чтобы забрать меня. Он хотел прозвать клинок Цзинсинь — «Спокойствие духа», да только матушка воспротивилась. Сказала, что спокойствие духа нужно лишь восьмидесятилетним старикам, а она желает мне расти вольным и ничем не скованным. Вот и нарекла его Сяояо — «Беззаботный».

Чжу Есюя это взбесило до глубочайшего почтения к семейным спорам.

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Твоя мать права. Сяояо — отличное имя.

Се Жэнь снова спросил:

— А что насчёт твоего меча? Я впервые вижу, чтобы кто-то сражался нефритовым оружием.

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Его подарил мне учитель. Имя ему — Юнь По Юэ Лай Хуа Нону Ин.

Се Жэнь обомлел от такого длинного, семисложного имени! Но ещё больше его изумило другое: Фэн Цяньсюэ клюёт носом при одном виде сборника стихов, откуда у него любовь к столь вычурным, высокопарным названиям вроде «Сквозь тучи пробился месяц, играя с тенями цветов»? Назови он его хоть «Очень Большим Мечом» — и то было бы логичнее!

Фэн Цяньсюэ пояснил:

— Это имя дал ему мой шисюн.

Му Фэнчунь, когда дело касалось дорогих и милых сердцу вещей, никогда не скупился на слова — размахивался с размахом! К примеру, кобылка, которую Фэн Цяньсюэ держал в академии Чанцэ под благородным именем «Хмелен в пути, дорога длинна, лишь спать охота», раньше принадлежала второму шисюну и была всего лишь низкорослым пони.

Се Жэнь заметил:

— Твой шисюн, кажется, очень любит делать тебе подарки. Он приедет навестить тебя в академию?

Фэн Цяньсюэ вздохнул:

— Вряд ли.

Всё потому, что Му Фэнчунь слишком часто спускался с гор для охоты на нечисть, и его лицо знали слишком многие, так что появляться в академии Чанцэ ему было не с руки. Видя, что тот загрустил по дому, Се Жэнь утешил его:

— Ну и ничего страшного. Когда закончится этот курс занятий, нам всем дадут месяц-другой отдыха, и мы сможем съездить домой.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— А где твой дом?

Се Жэнь ответил:

— В городе Синхуа. Он ничем не знаменит, ты, скорее всего, о нём и не слышал.

Фэн Цяньсюэ спросил снова:

— Я могу поехать с тобой?

Се Жэнь опешил:

— А?

Фэн Цяньсюэ навскидку придумал предлог:

— Я редко видел абрикосовые цветы.

Се Жэнь, утерев брызги с лица, пояснил:

— Но в нашем городе нет ни единого абрикосового дерева! Название взято с потолка. Вот за городом, правда, раскинулась огромная грушевая роща.

Фэн Цяньсюэ проговорил:

— Груши тоже сгодятся.

Се Жэнь про себя усмехнулся: «А ты неприхотлив! Только груши тоже не подойдут — время не то! К тому моменту наступит конец лета или начало осени, какие уж тут грушевые цветы?»

Фэн Цяньсюэ терпеливо продолжил расспрашивать:

— Тогда что есть в городе Синхуа?

Се Жэнь долго и мучительно размышлял, но так ничего и не придумал. Обыкновенный городок, ни утончённой изящности Цзяннаня, ни суровой дикости Северо-Запада, ни пышного великолепия столицы — куда ни глянь, всё самое обыкновенное. Единственное, что выделялось... Он бессовестно заявил:

— В городе Синхуа есть только я.

Фэн Цяньсюэ:

— Хорошо.

Се Жэнь:

— ...

Что за «хорошо»? Неужто и впрямь вознамерился ехать за ним? Се Жэнь подался ближе и осторожно поинтересовался:

— Ты что, поссорился с родными?

Фэн Цяньсюэ:

— Угу.

«Я так и знал!» — ухмыльнулся про себя Се Жэнь и со смешком сказал:

— Что ж, ладно! Тогда отправимся в город Синхуа, и моя матушка приготовит для тебя пряные свиные ножки и рыбу под острой бобовой пастой!

Фэн Цяньсюэ остался вполне доволен предложенным меню.

Разумеется, отправиться в город Синхуа он собирался вовсе не ради свиных ножек. Он хотел уберечь Се Жэня: а ну как тот по недосмотру запятнает себя связью с утесом Сюэцзю или ещё какой-нибудь сомнительной сектой? Так что держаться поближе было куда надёжнее.

Когда оба закончили мыться, еда снаружи уже была готова. Среди блюд красовалась огромная бадья сочного тушёного куриного мяса. Деревенская женщина с улыбкой обратилась к Фэн Цяньсюэ:

— Юный заклинатель отдельно попросил сделать для вас побольше мяса. Пробуйте скорей!

Простая деревенская стряпня не отличалась изысками, зато блюда были сытными и подавались щедрой рукой. Се Жэнь, умяв три пиалы риса с двумя тарелками овощей, с довольным видом откинулся назад. Фэн Цяньсюэ увлечённо грыз куриную ножку, когда повернулся к нему:

— Ты так быстро наелся?

Се Жэнь:

— ...Нет, я ещё поем немножко. Ты ешь не спеша, не торопись.

Он выудил из блюда стебель зелени, долго и тщательно его пережёвывая, пока не составил компанию Фэн Цяньсюэ, съевшему добрую половину курицы.

Сразу видно, что бессмертный господин в последние дни всерьёз голодал.

На кухне всё ещё шкворчало и жарилось. Фэн Цяньсюэ удивился:

— Нам подадут ещё и второй обед?

Се Жэнь содрогнулся всем телом:

— Надеюсь, нет. Я уже объелся.

<http://bllate.org/book/18374/1766302>